

ЮЖНЫЙ КРАЙ

Издатель А. А. Иосифович.

ЕЖЕДНЕВНОЕ ИЗДАНИЕ.

Реданторъ А. Н. Стояновъ.

ГАЗЕТА ОБЩЕСТВЕННАЯ, ЛИТЕРАТУРНАЯ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ.

№ 300.

ХАРЬКОВЪ, ВТОРНИКЪ 10 (22) Ноября 1881 года.

ГОДЪ I.

Отдѣльные №№ „Южнаго Края“ продаются по 6 к.

Газета „Южный Край“ будетъ издаваться въ 1882 году подъ прежнею редакціею и по прежней программѣ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

НА

ЕЖЕДНЕВНУЮ ОБЩЕСТВЕННУЮ, ЛИТЕРАТУРНУЮ И ПОЛИТИЧЕСКУЮ ГАЗЕТУ

„ЮЖНЫЙ КРАЙ“

1882 года.

(ВТОРОЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ).

Условія подписки:

На годъ	Въ доставкѣ.	Съ доставкою.	Съ перес. н.пог.
10	10 р. 50 к.	12 р. — к.	12 р. 50 к.
9	9 р. — к.	11 р. 50 к.	11 р. — к.
8	8 р. 25 к.	10 р. 75 к.	10 р. 25 к.
7	7 р. 50 к.	9 р. 50 к.	9 р. — к.
6	6 р. 75 к.	8 р. 75 к.	8 р. 25 к.
5	5 р. — к.	7 р. — к.	7 р. 50 к.
4	4 р. 50 к.	6 р. 50 к.	6 р. — к.
3	3 р. 50 к.	5 р. 50 к.	5 р. — к.
2	2 р. 40 к.	4 р. 40 к.	4 р. 20 к.
1	1 р. 20 к.	2 р. 20 к.	1 р. 60 к.

Подписываться можно на всѣ сроки, не иначе, какъ съ 1-го числа каждаго мѣсяца; на каждый срокъ просрочивается не более, какъ до конца 1882 года.

Подписка принимается въ г. Харьковѣ, въ Главной Конторѣ, на Московской ул., при „Публичной Библиотекѣ“ А. А. Иосифовича; тамъ же принимаются объясненія.

Кроме того, подписка принимается въ г. Петербургѣ — въ книжномъ магазинѣ Э. Гартне Невскій проспектъ, № 27; въ Москвѣ — въ книжномъ магазинѣ П. И. Мамонтова; въ Киевѣ — въ книжномъ магазинѣ В. И. Федорова; въ Одессѣ — въ книжномъ магазинѣ В. И. Вилкова; въ Полтавѣ — въ книжномъ магазинѣ Г. И. Воинова; въ Кременчугѣ, у нотаріуса П. Ф. Зильберберга.

ОБЪЯВЛЕНІЯ ПРИНИМАЮТСЯ: изъ Франціи исключительно въ Парижѣ — у Havas, Lafitte et Co. Place de la Bourse; въ Петербургѣ — въ Главной Конторѣ объявленій, на Невскомъ проспектѣ, въ домѣ Соловникова; въ Петербургѣ — въ той же конторѣ на Невскомъ проспектѣ, въ домѣ Струбинскаго; въ Варшавѣ — въ варшавскомъ агентствѣ объявленій Рейхманъ и Френдлеръ на Сенаторской улицѣ, въ домѣ № 22.

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА

НА

„ЮЖНЫЙ КРАЙ“,

1881 года.

Условія подписки:

На 2 мѣсяца	Въ доставкѣ.	Съ доставкою.	Съ перес. н.пог.
1	1 р. 20 к.	2 р. 20 к.	1 р. 60 к.

КОНКУРСНОЕ УПРАВЛЕНИЕ

учрежденное по дѣламъ несостоятельнаго должника купца Федора Ивановича Крайнова, продаетъ съ публичнаго торга ежедневно съ 10 часовъ утра, въ г. Харьковѣ, по Горняцкому переулку, № 29, около магазина Ф. Г. Булбурова, галантерейный и модный товаръ, какъ-то: кружева, шитые, ленты, бархотки, корсажи, ниточки разныхъ сортовъ, охоту для собакъ, галуны серебряныя и золотыя, различныя и проч.

(№ 2374) 3-1

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ЗАМѢТКИ.

„Ржавчина“, повѣсть Т. З. „Русская Мысль“, октябрь.

... Скудно... Елисей это скучалъ только я, „литературный обозрѣватель“, (именно обозрѣватель, а не „критикъ“). Куда намъ въ „критикѣ“! „Критики“ были, да давно уже „вышли“. Это даже журналъ „Миръ“ въ своей „Литературной хроникѣ“ утверждаетъ... — Елисей это вышло только я — бѣда бы была небольшая. Вы бы могли просто сказать: „а какъ такое дѣло?“ „Знай, читай свои „пре-скупчившіе“ журналы и ной, сколько по твоей должности слѣдуетъ“. Но тоскую не одинъ я. Тоскуютъ всѣ — отъ профессора до сапожника, который, единственно по случаю „завѣвающей скуки“, вопреки всѣмъ убѣдительнѣйшимъ убѣжденіямъ „Южнаго Края“, все же по субботамъ продолжаетъ напиваться до зеленого змѣя... Мы, интеллигенція, положимъ, не напиваемся (а можетъ и напиваемся? Право, не припомню), — мы, положимъ, неохоту осмысленно и съ отбѣнкомъ резонирующей претензіи — да легче ли отъ того? Въ сущности вѣдь все же мы весьма мало отличаемся отъ той „купецкой дочкѣ“ изъ репертуара Островскаго, которая въ простотѣ душевной высказывалась на чистоту: „Господи, скудно! Хоть бы титенка померла, либо домъ сгорѣлъ!“ Мы этого, конечно, не скажемъ, навѣрно не скажемъ: поперхнемся, совѣстно, а вонючихъ — помилуйте? — изъ-за чего-жъ насъ „въ семи водахъ мыли, въ семидесяти наукахъ учили“ — изъ-за чего? Именно изъ-за того, чтобы подъ каждаго свое ощущение сѣмьдесятъ разъ, подобно подкладу князя, резонирующей, красивой фразы... Мы и подбиваемъ. Мы, во всѣ лапаты улетѣвшая отъ жизни и ея суровыхъ требованій, становимся въ сторонѣ, принимаемъ картинную позу

трагическаго страданія... и поемъ...

Красиво поемъ, картинно поемъ, внутренне смутно сознавая, что дѣло то тутъ вовсе и не въ дѣлѣ, а въ изворотѣ, что мы, какъ гдѣ-то выразился великій мастеръ „сикъ дѣлъ“ много-страдальной памяти Генрихъ Гейне — что мы, „умирая отъ гонимой язви въ груди, жалуемся на зубную боль“. И вотъ мы вѣчно пребываемъ „въ молчаливомъ перенесеніи бѣдъ настоящей и непрестанномъ созерцаніи гармоніи будущаго“... Лѣтъ семь-восемь назадъ за это не хвалили, напротивъ, видѣли въ этомъ вѣкоторый злостный подвохъ. Но теперь дѣло выяснилось и на насъ махнули рукой: „Богъ съ вами, созерцайте, сколько угодно!“ Мы и „созерцаемъ“, созерцаемъ уже на всей своей волѣ и въ полной безопасности... И это ужасно скверно, что въ полной безопасности — совѣстно какъ то... Въ тѣ блаженные времена, когда кара „грядущаго вѣка закона“ могла постигнуть „молодого человѣка“ единственно за то, что онъ есть созерцающій „гармонію будущаго“, „гамлетизированный поросенокъ“ — въ тѣ времена пріятно было состоять въ этомъ званіи, а теперь что же? Сколько не „созерцай“, никто тебя не тронетъ, хоть островъ „Утошю“ на Холодной горѣ заведи — и то ничего, начальство синхронизированно улыбнется и много-много развѣ что пошлетъ „хожалого“ на случай „дебаша“ и „разбитія въ пьядомъ видѣ стеколъ“... И больше ничего — ну, не обидно ли? Развѣ еще кака-нибудъ „дамочка“ изъ пьядомъ заинтересуется, разузнать, какъ это „у нихъ“ теорія адюльтера по Дарвину разрабатывается. Не знаю какъ, теперь, но въ наше время, когда еще состоятъ въ званіи „гамлетизированнаго поросенка“ было не совѣстно безопасно — въ наше время и „дамочка“ осталась бы разочарованною... О, государи мои! Елисей, вы только знали! Вѣдь

ЕВРЕЙСКИЙ ВОПРОСЪ

ВЪ РОССІИ,

А. М. КАЛЫКОВОЙ.

ЦѢНА 20 КОП.

Съ требованіемъ обращаться въ типографію М. Зильберберга, Харьковъ, Рыбная ул., домъ № 25-й.

СОДЕРЖАНІЕ:

Харьковъ, 9 ноября 1881 года.

Изъ записокъ земца, XII.

Московский съездъ представителей русскихъ императорскихъ учреждений, В. Ф.

Шибетая хроника: Изъ городской жизни.

Телеграммы (отъ спеціальныхъ корреспондентовъ „Южнаго Края“ отъ „Международнаго телеграфическаго агентства“ и изъ другихъ газетъ).

Послѣднія извѣстія.

Взвѣренія извѣстій: Корреспонд. „Южнаго Края“ изъ Билорада и Петербурга. — Извѣстія другихъ газетъ: изъ Валока, Воронежца, Киева и Александровска.

Политическое обозрѣніе.

Сѣнь.

Календарь.

Справочныя свѣдѣнія.

Фельетонъ: Литературныя замѣтки, Г. Объявленія.

ХАРЬКОВЪ.

9-го ноября 1881 г.

На дняхъ, прочитали мы въ одной изъ газетъ бѣдную замѣтку такого содержания, будто Порта намѣрена на-стаивать на необходимости иностраннаго вѣмшательства въ дѣла болгарскаго вѣмшества. Еще позже, въ № 298-мъ „Южнаго Края“, помѣщена телеграмма, что „Австрія назначила денежную премию за выдачу или умерщвление (sic) вожаковъ боснійскаго возстанія“.

Нельзя не сознаться, что оба извѣстія производятъ и тяжелое, и вѣсело странное впечатлѣніе. Хотѣлось бы не вѣрить ни одной изъ двухъ этихъ новостей. Читая австро-венгерскій призывъ къ усердію и услугамъ наемныхъ убійцъ, которые прискакиваютъ одною изъ великихъ державъ цивилизованной Европы, для борьбы съ возстаніемъ, невольно переносимся къ тѣмъ временамъ, которыя, повидимому, долж-

ны бы уже давно миновать. Законъ и культура всѣхъ государствъ осудили и искоренили профессію кинжаловъ и удилителей, не исключая тѣхъ странъ, гдѣ нравы и особенныя политическія условія съ упорствомъ поддерживали старинныя варварскія обычаи кровавой и вѣроломной расправы съ личнымъ врагомъ.

Какъ же примирить такое нарушеніе установившихся въ Европѣ понятий и началъ религіи, нравственности, человечности и законности?

Неужели въ данномъ случаѣ окажется вѣрно давно извѣстная сентенція геніальнаго скептика, — и то, что считается подлымъ и противобожественнымъ въ Вѣнѣ или Берлинѣ, будетъ признано доблестнымъ и полезнымъ для государства и ихъ интересовъ за Балканами? Трудно, очень трудно бороться, при видѣ подобнаго зрѣлища, противъ наплыва самыхъ скорбныхъ мыслей. Невозможно подавить въ себѣ протестъ того нравственнаго чувства, которое несомнѣнно уже настолько прогрессировало у современнаго человѣка, что оно скорѣе проститъ животную его жестокость какому-нибудь зуду или тигрентону, чѣмъ оставить безъ искренняго проклятія холодный и сознательный призывъ къ ножи и за-сѣдъ со стороны „уточенныхъ“ цивилизаторовъ юго-славянскаго міра — Вѣны и Офена! Вотъ почему здѣсь немалымъ спокойное, объективное отношеніе къ затронутому нами факту, который было бы желательно признать, при дальнѣйшемъ его разслѣдованіи, вымисломъ. Вотъ почему также невозможно приложить къ подобному факту, если онъ только справедливъ, штемпель заураднаго проявленія той зоологической лютости, которая была свойственна первобытной природѣ человѣка и лишь медленно, въ теченіе вѣковъ, допустила возлѣ себя существованіе и дѣйствіе алуристическихъ чувствъ симпатіи и гуманности.

Въ данномъ случаѣ, окажется во всей своей силѣ различіе въ психологической и публицистической оцѣнкѣ однихъ и тѣхъ же данныхъ. Съ одной точки зрѣнія, достаточно будетъ подвести извѣстный фактъ подъ научные, общесторические законы развитія человѣческа-

скорбной красоты и правды было въ смѣнномъ „покаяніи“ — смѣнномъ, какъ фактъ, но во все не смѣнномъ какъ стремленіе... Теперь не то... Теперь „аллобъ разочарованности“ — лозунгъ одного изъ довольно широкихъ теченій въ нашей интеллигенціи... Теперь „молодой человѣкъ“ онъ паровалъ такъ: походить, походить, да и застрѣлится, потому что не на что „нанять“ любовницу... А ежели „онъ“, при своемъ или титенкиномъ капиталѣ, то бываетъ и еще много безобразнаго... Посмотрите это, посмотрите: что такое? И погода скверная, и вору что-то скверно, и въ чаю лимона не подали... Пойду пошмусь... И пойдете, и повѣсите — какъ пить дасть... Вѣдь это ужъ право распустило... И вы думаете, что я это сочиняю, такъ для „мрачнаго колорита“? Чего сочинять, когда сама жизнь такая сочиняетъ, сочиняетъ, что лучше ужъ не надо... Прослѣдите-ка газетныя мѣсяца за два года, задавшись напередъ собрать рядъ фактовъ въ этомъ именно направленіи. А вѣдь газетныя, въ сущности, плевое дѣло, въ низъ попадаютъ развѣ десятокъ долей совершеннѣйшихъ фактовъ... „Мы“... Впрочемъ, давно бы уже слѣдовало сдѣлать оговорку, имѣя въ виду „принципальнаго читателя“. „Мы“ — это во все не „я“, нижеподписавшійся. „Мы“ — это „мы“, „гамлетизированные поросата“ семидесятихъ годовъ... „Мы“ — тоже тавились, вѣшались, стрѣлялись, но только совѣсь, совѣсь не отъ того... Мы всегда помнили Гамлетовское —

„страхъ что будетъ тамъ, Тамъ, откуда ни однакъ пришедецъ не возвращался“.

И ежели ужъ приходилось неутверждать, то и умирали то все съ тѣмъ же гамлетовскимъ монологомъ на устахъ:

Кто снесъ бы.....

Бесцѣныя правы, тиранивъ притѣсненіе,

го существа въ обществѣ. Съ другой точки зрѣнія, обязательно освѣтитъ совершившійся фактъ приложеніемъ критеріи или мѣрила тѣхъ началъ, безъ которыхъ оказался бы прахомъ и тѣнѣмъ весь современный строй обществѣ и гражданственности Европы. Нельзя не указать на великій поворотъ и неисчислимый вредъ отъ такихъ политическихъ приемовъ, которые обнаруживаются въ только что обнародованной телеграммѣ относительно новѣйшаго австрійскаго подражанія старой кинжаловой системѣ временъ Каструччо Кастракини и Цезаря Борджиа. Даже противъ бунтовщиковъ есть теперь средства, давно уже испытанныя практикою государствъ и допущенныя самою теоріею международного права. Это — судъ и уголовная кара съ одной стороны; это, съ другой стороны, подавленіе энергичными мѣрами полиціискаго и военнаго характера, когда дѣло дойдетъ до такой напряженности, какую, напримеръ, обнаружилось въ 60-хъ годахъ мало извѣстное въ Европѣ, но во многихъ отношеніяхъ любопытное возстаніе въ Нью-Йоркѣ, въ самый разгаръ знаменитой войны сѣверянъ съ южанами.

Вообще, никто не можетъ ограничить или отнять у правительства право поступать съ инсургентами по всей строгости законовъ. Такое право вытекаетъ изъ принципа верховности государства. Но горе тому правительству, которое собственною рукою изломаетъ законъ, будто бы для охраны закона. Затѣмъ, многія вѣскія соображенія требуютъ, чтобы правительства, по соображенію своей собственной пользы, не допускали безпощадности и циническаго безразличія въ выборѣ средствъ для борьбы. Такія крайности должны быть сдерживаемы расчетами политики, если даже откинуть въ сторону, какъ ненужный багажъ, принципъ гуманности и легальности. Къ великому нашему прискорбію, въ данномъ случаѣ, Боснія и Герцеговина несомнѣнно уже инкорпорированы (г. е. присоединены) къ Австро-Венгріи и предназначены къ тому, чтобы составить интегральную часть этого государства. Слѣдовательно, власть, которая есть представительница націи, не можетъ,

не посягая на себя-само, истощать и убивать органическую часть народнаго и государственнаго тѣла. Слѣдовательно, власть, которая должна служить высшимъ органомъ правды и общественной морали, въ Австро-Венгріи, какъ и повсюду, несетъ на себѣ великую обязанность поддерживать нравственное убѣжденіе, что наемное убійство врага и даже инсургента есть такое же преступленіе, какъ и всѣ другіе незаконныя виды преступленій противъ жизни человѣческой. Таковъ печальный смыслъ одного изъ полученныхъ недавно извѣстій о ходѣ дѣла на Балканскомъ полуостровѣ. Что касается турецкаго вѣмшательства, то объ немъ мы поговоримъ въ послѣдствіи.

Сегодня, мы печатаемъ телеграмму отъ нашего спеціального корреспондента, приводящую насъ въ большое недоумѣніе. Въ телеграммѣ этой говорится о томъ, что на дняхъ состоялось распоряженіе о „совершенномъ освобожденіи губернскихъ и областныхъ вѣдомостей отъ просмотра правительственной цензуры“. Недоумѣваемъ, о какихъ газетахъ идетъ рѣчь? Если дѣло идетъ объ официальныхъ газетахъ, то какъ же такіе органы могутъ быть освобождены отъ правительственнаго просмотра? Или же редакторамъ этихъ газетъ будетъ чиновникъ — онъ же и цензоръ? Въ такомъ случаѣ, не можетъ быть рѣчи о „совершенномъ освобожденіи отъ просмотра правительственной цензуры“, а только о соединеніи двухъ должностей въ лицѣ одного чиновника.

Изъ записокъ земца.

XII.

При чтеніи журналовъ купянскаго уѣзднаго земства по народному образованію, невольно кидается въ глаза одна особенность, какъ бы противурѣчащая существующей действительности. Не тайна, что въ уѣздахъ между земствами и инспекторами народныхъ училищъ существуетъ какой-то разладъ, который былъ нѣкогда обсуждаемъ въ губернскомъ собраніи. По поводу этого разлада нѣкоторые уѣздныя земства въ то время сократили и да-

пола препровождено было изъ грязноватаго номера гостиницы, одни лишь стѣны котораго слышали „воплъ слѣдующаго прощанья“ — прощанья съ жизнью молодой — на препаровочный столъ анатомическаго театра... „Неужели же все, все кончается... таже!“ Да, несчастный принцъ, ты правъ — все кончается такъ... „И все это вы сочиняете!“ опять и уже нервозно возмущается читатель, нелюбимый мрачныхъ картинъ и мыслей и читающій больше ради пащеваренія. Нѣтъ, господинъ читатель. „Да позволено мнѣ будетъ сказать“, что я ничего не сочинялъ; въ томъ же, что нарушилъ вашъ послѣбоденный отдыхъ — охотно каюсь. Нѣтъ, не сочинялъ... Вѣдь, „мы“ тоже „сочиняли“ повѣсти и романы разные... и, какъ на грѣхъ, все больше „лирические“... Загляните въ нихъ... Вѣдь говорятъ, художественное произведеніе отражаетъ жизнь... Плохо ли, хорошо ли, а все же отражаетъ. Можетъ быть потребуются поправки — слѣдуйте эти поправки. Когда „мы“ „сочиняли“ — „мы“ добивались правды... Значитъ на поправки претендовать не будемъ... Ну да прекрасно, вопіетъ читатель — ну пусть не сочиняли! Но, спрашиваю васъ: къ чему, зачѣмъ? Вы „литературный обозрѣватель“, вы должны говорить объ текущихъ книжкахъ журналовъ, а вы Богъ знаетъ о чомъ... Но вѣдь, я знаю, что это читатель только такъ, потому что обманенъ, я знаю, что ему журнальные книжки столь же смертельно надобны, какъ и мнѣ — хотя можетъ быть и по разнымъ причинамъ. Каюсь, у меня болѣзненная слабость къ „россійской словесности“ и особенно къ тому отдѣлу ея, который въ добрые старые годы именовался отдѣломъ „извѣстной словесности“, каюсь, вотъ уже лѣтъ десять подъ рядъ пристально слѣдую за отечественной журналисткой, все же я сохранилъ такую наив-

же намбравались вовсе уничтожить ассигнования на народные школы; и теперь еще встречаются в разных газетных корреспонденциях известия, указывающа, что эти столкновения и пререкания и до сих пор продолжаются в некоторых мѣстах. Между тѣмъ въ журналахъ купянского земства по народному образованию при всѣхъ порученіяхъ управъ неизменно стоитъ фраза: „по солашенію съ училищнымъ советомъ“, причѣмъ подъ словомъ „училищный советъ“ собраніе подразумѣваетъ почти единоличное имено инспектора народныхъ училищъ, П. В. Иванова, котораго управѣ знаетъ давно съ самой лучшей стороны. Въ каждую сессію собраніе выслушиваетъ его личныя объясненія и указанія, и доверяетъ ему относительно всѣхъ интересовъ въ дѣлѣ народнаго образованія столько же, какъ и своей управѣ. Несомнѣнно, что безупречное и неумолимое служеніе П. В. Иванова дѣлу народнаго образованія служитъ причиной, почему купянское земство не отказывается ни въ чемъ по этимъ расходамъ, насколько позволяютъ средства.

Въ истекшую сентябрьскую сессію П. В. Ивановъ, объясняя собранію нужды нашихъ школъ, болѣе всего указывалъ на необходимость доставлять „выбавляющимъ изъ народныхъ училищъ ученикамъ и ученицамъ возможность возмощенія и расширенія выносимыхъ ими изъ школы познаній“, для чего предлагалъ открыть при существующихъ училищахъ воскресныя школы и вечерніе классы, а также снабжать грамотныхъ крестьянъ книгами. По послѣднему вопросу собраніе постановило увеличить имѣющіяся при училищахъ библиотечныя книги, для выдачи ихъ для чтенія, а также поручило управѣ образовывать при училищахъ склады народныхъ книгъ для продажи, съ устройствомъ по ярмаркамъ особахъ книжныхъ лавочекъ. Что же касается до воскресныхъ школъ и вечернихъ классовъ, то собраніе, въ виду и другихъ нуждъ по народному образованію, просто указало управѣ „на получающіяся остатки удовлетворить эти нужды по солашенію съ училищнымъ советомъ“. Но какія остатки всегда получаютъ по содержанию стипендіатовъ въ учительскихъ семинаріяхъ, и какъ изъ этихъ остатковъ всегда станеть на вознагражденіе учителей за воскресныя школы и вечерніе классы, то нѣтъ сомнѣнія, что при сочувствіи къ этому земской управы и училищнаго совета и при неумоливыхъ заботахъ П. В. Иванова о нуждахъ народнаго образованія, вечерніе классы и воскресныя школы будутъ открыты наступающей зимой хотя бы при некоторыхъ училищахъ. Такимъ образомъ, будетъ положено начало „купянской училищной зданія“. Въ будущемъ же году, конечно, этотъ расходъ составитъ особую самостоятельную статью въ смѣтѣ по народному образованію въ купянскомъ уѣздѣ.

Въ Купянскѣ уже существуетъ воскресная школа, въ которой занимаются учителя уѣзднаго училища. По

свѣдѣніямъ училищнаго совета, за прошлый учебный годъ, эту школу посѣщало 28 мѣщанъ и 124 крестьянина, въ возрастѣ отъ 12-ти до 30-ти лѣтъ.

Однимъ изъ печальныхъ явленій школы по прежнему остаются экзамены, которыхъ ни какъ не удается произвести всѣмъ ученикамъ, такъ какъ съ открытіемъ весны большинство учениковъ оставляетъ школу и поступаетъ на работы пашутками, погонными и плугами и т. п., и собрать ихъ вновь для экзамена дѣлается невозможнымъ. Такъ на произведенные штатнымъ смотрителемъ купянского уѣзднаго училища г-мъ Яковлевскимъ экзамены въ 10-ти сельскихъ школахъ явилось экзаменоваться изъ 592 учениковъ только 184 (31%) и изъ 69 ученицъ 50 (71%); даже въ купянскомъ городск. училищѣ изъ 87 учениковъ явилось на экзаменъ только 67. Въ бытность мою, одно трехлѣтне, членомъ училищнаго совета отъ земства, я въ первый годъ назначалъ экзамены въ каждой школѣ по нѣсколькимъ разамъ, выбирая для того праздничные дни, и хотя каждый разъ являлись ученики, не успѣвшие экзаменоваться раньше, но въ такомъ маломъ числѣ, что въ общенъ все же осталась почти половина не экзаменовавшихся учениковъ.

Въ слѣдующіе годы я рѣшилъ произвести экзамены предъ наступленіемъ весны и уходомъ учениковъ на работы, и началъ экзамены въ послѣднихъ числахъ февраля, но едва успѣлъ произвести экзамены въ двухъ училищахъ, какъ ночью пошелъ дождь, наступили разливъ и весна, и продолжалъ экзамены сдѣлалось невозможнымъ за прекращеніемъ всякихъ сообщеній. Напуганный этимъ опытомъ, я въ слѣдующемъ году началъ экзамены съ 10-го февраля и дѣйствительно произвелъ ихъ въ 9-ти училищахъ своего участка при полномъ числѣ учениковъ, — но на этотъ разъ зима затянулася, школы просуществовали еще около пяти недѣль, и произведенные мною экзамены не могли вполне служить окончательнымъ и вѣрнымъ выразителемъ успѣховъ школъ вообще и учениковъ въ частности. Затѣмъ вынужденный переѣхать въ Харьковъ, я долженъ былъ оставить службу члена училищнаго совета отъ земства. Относы свои неудачи экзаменовъ къ случайностямъ несвоевременнаго наступленія весны, я остаюсь при убѣжденіи, что въ купянскомъ уѣздѣ необходимо начинать экзамены 25-го февраля, производя ихъ каждый день, всегда можно успѣть окончить ихъ до наступленія весны. Эти экзамены будутъ самыми правильными, успѣшными и вѣрными.

Нельзя не обратить вниманіе на слѣдующій фактъ. Въ истекшемъ учебномъ году, въ купянскомъ уѣздѣ, получили свѣдѣтельства на льготу по воинской повинности 205 учениковъ слѣдующихъ лѣтъ: 11-ти лѣтъ — 51, 12-ти лѣтъ — 51, 13-ти лѣтъ — 48, 14-ти лѣтъ — 21, 15-ти лѣтъ — 23, 16-ти лѣтъ — 11. Мальчики 11-ти лѣтъ уже оканчиваютъ курсъ наукъ въ своей школѣ и получаютъ за свою грамотность льготу по воинской повинности, которая наступитъ для него чрезъ десять лѣтъ.

Вотъ убѣдительный фактъ, доказывающій крайнюю необходимость „дополнительныхъ классовъ“ въ формѣ вечернихъ классовъ и воскресныхъ школъ.

Московский съѣздъ представителей русскихъ исправительныхъ учреждений.

Въ болѣеюмъ прекрасномъ рекреационномъ зайдъ Рукавишниковскаго исправительнаго приюта собрались, въ концѣ прошлаго мѣсяца, съ разныхъ концовъ Россіи люди, посвятившіе себя трудному и новому у насъ дѣлу исправленія пороковъ дѣтей. Это былъ первый съѣздъ представителей тѣхъ именно учреждений, которые спасаютъ молодыхъ преступниковъ отъ грознаго и темнаго заключенія и даютъ имъ маленькимъ бродяжкамъ, стоящимъ у порога и преступленій. Перечислять открытій съѣзда совершенно было бы служебно въ домашней редакціи приюта. Тутъ были представители отъ 11-ти исправительныхъ учреждений, депутаты отъ главнаго тюремнаго управленія и столичныхъ тюремныхъ комитетовъ и еще нѣсколько лицъ, приглашенныхъ на съѣздъ въ качествѣ „свѣдущихъ людей“; въ числѣ членовъ съѣзда были также три представителя тюремнаго управленія, а также нѣкоторые изъ членовъ тюремныхъ комитетовъ, а за столомъ для представителей печати появились по временамъ два-три газетныхъ репортера. Изъ Астрахани, Казани и Рибинска депутаты почему то не пріѣхали; отсутствовали и представители кременчугскаго общества исправительныхъ учреждений по той, впрочемъ, причинѣ, что само общество не было розсказано, хотя по официальнымъ свѣдѣніямъ оно значится существующимъ, оба посланія тому обществу приглашенія были возвращены почтовымъ управленіемъ, съ надписью на пакетѣ: „дѣйствиельно адресата не найдено“.

Председателемъ съѣзда единогласно былъ избранъ К. В. Рукавишниковъ, которому принадлежалъ какъ самый починъ, такъ и всѣ труды по устройству съѣзда. Послѣ избранія секретарей (съѣздъ нужно было разсѣять въ нѣкой массѣ незнакомыхъ членовъ) состоялось, число которыхъ доходило до 70-ти. Работу эту поручили председателю съ секретарями, которые представляли къ слѣдующему заведенію выработанную имъ программу занятій съѣзда, въ составъ которой вошли вопросы, обнимаемые собою почти всѣ стороны жизни и дѣятельности исправительныхъ учреждений: въ первомъ же дѣнѣ съѣзда, члены собрались, по приглашенію председателя, въ его квартиру, гдѣ въ частныхъ бесѣдахъ они могли ознакомиться другъ съ другомъ и выслушать всѣ взгляды по тѣмъ или другимъ вопросамъ, подлежавшимъ обсужденію въ официальныхъ засѣданіяхъ. Я нарочно упомянулъ объ этомъ, на первый взглядъ, быть можетъ, и маловажномъ обстоятельстве, такъ какъ оно оказало свою долю вліянія на занятія съѣзда. На другой день пачинали слѣдующіе дѣни, съ 10-ти часовъ по 4-5 часовъ ежедневно. Съѣздъ былъ логично устроенъ на два засѣданія въ день, но отъ этого пришлось отказаться, такъ какъ всѣ сильно утомлялись и засѣданія шли не такъ успѣшно.

На первой очереди стояли сообщенія краткой исторіи возникновенія, развитія и нынѣшняго состоянія каждого изъ исправительныхъ учреждений. Сообщенія эти сдѣлались, впрочемъ, нѣкоторыми изъ членовъ были представлены съѣзду образцы оцѣнокъ, оцѣнокъ, въ которыхъ расположеніе учреждений, разныя пѣдѣли, приготовленные самими воспитанниками и пр. Такимъ образомъ съѣздъ ознакомился съ типичными чертами каждого изъ учреждений, что въ значительной степени облегчило его задачу. [Здѣсь придется сослаться на дѣло, только тѣмъ членамъ съѣзда, съѣзду сообщеній, которыя представляли въ нѣкоторой степени общій интересъ. Въ существующихъ въ настоящее время въ исправительныхъ учрежденияхъ для несовершеннолѣтнихъ преступниковъ возникли исключительныя трудности частной инициативы и на средствъ устраиваемыхъ въ разныхъ городахъ особахъ для той общности. Такіе расходы содержанія учреждений за исключеніемъ одного московскаго, содержащаго въ настоящее время почти на одинъ городскій средства, крайне затруднены въ матеріальныхъ средствахъ для своего существованія и дальнѣйшаго развитія дѣла.]

*) Московскаго, петербургскаго, большескаго (мск. уѣд.), ярославскаго, нижегородскаго, казанскаго, харьковскаго, симбирскаго, воронежскаго, волгскаго (сарат. губ. военная прогимназія).

**) Секретарями были директоръ исправительныхъ приютовъ: московскаго — А. А. Фидлеръ и харьковскаго — В. А. Фидлеръ.

ность не по возрасту, что каждую новую книжку разворачиваю съ нѣкоторыхъ трепетомъ; — все думаешь — вотъ, вотъ, придетъ „онъ“, тотъ самый „великій“... И каждый разъ самое горячее разочарованіе, каждый разъ приходится лишь вспоминать, что — „дѣтъ великаго Патрола, живъ пресвѣтлѣйшій Терситъ“... Это, наконецъ, можетъ надобѣ вѣчно имѣть въ головѣ проблему, въ родѣ: „что лучше: жадать и не дождаться, или пойти и потерять“... Вотъ мнѣ и надобно. Читателю тоже надобно и онъ охотно бы удовлетворился „выглядомъ и нѣчто“, но онъ раздраженъ „мрачными колоритами“, а потому требуетъ... Хорошо, извольте. Все это была присказка, сейчасъ будетъ сказка. Все это было не само по себѣ, а по поводу... По поводу журнальной книжки. Въ № 10-мъ „Русской Мысли“ напечатана повѣсть господина, или и бысю обѣ закладъ, что второе вѣрнѣе — госпожи Т. З. — „Ржавчина“. Вотъ эта-то „Ржавчина“ и наведла меня на вышеизложенныя неутихательныя мысли и воспоминанія. Повѣсть, очевидно, принадлежитъ совѣсьмъ, совѣсьмъ начинающему автору, плохо знакомому съ техникою дѣла. Сократи ее редакція на половину, конечно, сократи умѣло — чего въ большинствѣ редакцій дѣлать не умѣютъ — она бы много отъ этого выиграла. Повѣсть очень плоха въ той части, гдѣ авторъ „сочиняетъ“, и очень хороша, гдѣ онъ, не мудствуя лукаво, просто приводитъ „документы“. Это старая исторія, читатель, — исторія женщины, которую ни чему не научили, съ которою играли какъ съ куколкой, и которую швырнули, какъ куколку. И вдругъ куколка оказалась не куколкой, а живымъ человѣкомъ, который хочетъ любви, жизни, счастья, которому душно и страшно дѣлается среди окружающихъ его куколъ, среди всѣхъ этихъ —

Злодѣевъ и свѣдущихъ и скучныхъ, Тупыхъ, привязчивыхъ судей, Среди кокетокъ богомольныхъ. Среди холопей добровольныхъ...

Которому еще больше душно и страшно потому, что и внутри себя онъ чувствуетъ все ее же, вѣвшающуюся жизненную ложь, недающую дохнуть. А тутъ еще ничего она не умѣетъ, ничего не хочетъ, ни къ чему не стремится. Только и есть у нея любящее сердце — и ищетъ она любви, и хочетъ она ее, чистой и святой, залившающей всѣ язвы, а ей вмѣсто хлѣба предлагаютъ камень, вмѣсто любви — легкій и пріятный адюльтеръ, ничѣмъ не связанный и ни къ чему не обязывающій. И вотъ, несчастная женщина, свернувшись съ дороги изыщнаго и приличнаго распуштва, не нашла никакого другаго исхода, кромѣ pistolsлетнаго выстрѣла. Нѣсколько предсмертныхъ писемъ героини повѣсти, Анна Слащева, именно и составляють тѣ „документы“, которыя, сравнивая всю повѣсть, дѣлають ее замѣтною. Вотъ послѣднее изъ этихъ писемъ, оно высокопоучительно...

„Паритъ, 3-го ноября 187... года. Мой единственный другъ! Совершенно случайное обстоятельство точно не рассѣло меня. Я продрогла на одномъ катаніи, простудилась и заболѣла. Болѣзнъ протерпѣла меня съ недѣлю въ постель. Это прервало тотъ запой наслажденій, который не переставалъ дѣлаться уже болѣе полугода. Я за все это время въ первый разъ имѣла возможность одуматься, взглянуть на себя со стороны. И къ какому ужаснымъ выводамъ пришла я! Я вижу, что дошла до каменной стѣны. Сяди — глубокой розѣ; иди — опередь — разбейте голову; вернись назадъ — свалишься въ пропасть. Что дѣлать? Какъ зачеркнуть все прошлое и начать жить снова? А жить такъ хочется!... Я съ изумительною ясностью могу нарисовать всю свою жизнь. Ле-

жа одна въ скучномъ номерѣ, я перебираю малѣйшія подробности моего существованія. А какъ только стану отыскивать причины того, что я теперь изъ себя представляю, мысли начнутъ путаться. Я лежу здѣсь истерзанная физически и нравственно, одна, никому во всемъ мірѣ ненужная, и ломаю себѣ голову, что виновать въ этомъ... Неужели сама я? Я даю себѣ сотни отвѣтовъ на этотъ вопросъ. Иногда мнѣ кажется, что моя удальная натура довела меня до этого. Такъ развѣ я виновата въ ней? Кто не знаетъ въ т-ой губернии моего отца? При критическомъ взглядѣ на него смотрѣли, какъ на чудака, а потомъ онъ сталъ притчей всей губернии. А мать? Ей ужасно за сорокъ, а она до сихъ поръ развѣсѣла по вѣдамъ съ разными барышнями. Можетъ быть, я виновата въ томъ, что всю жизнь провожу въ бездѣлѣ? Такъ что жъ мнѣ дѣлать? Слышала ли я съ дѣтства хоть одно слово, что нужно заниматься чѣмъ-нибудь? — Никогда. Но я и не умѣю ничего дѣлать. Насъ ни въ институтѣ, ни въ парижскомъ монастырѣ этому не учили. Всѣ мысли, всѣ разговоры, всѣ желанія сводились къ любви; мы выдумывали себѣ вымышленныхъ обьектовъ, ходили къ нимъ въ темный корридоръ на свиданіе и потомъ разсказывали другъ другу въ возможно яркомъ и даже сальныхъ выраженіяхъ подробности этихъ небывалыхъ свиданій. А потому и вся моя жизнь — одно стремленіе любить. Въ этомъ то и мое горе. А виновата ли я въ немъ?

Первый мужчина, котораго я встрѣтила по выходѣ изъ монастыря, былъ Никсъ. Его я и полюблила. И съ тѣхъ поръ только любовь и занимала меня всю: всѣ мои мысли, все счастье, все горе, всѣ надежды не шли дальше любви. Не правда ли, достойно и похвально? И теперь, когда я никого не люблю и никѣмъ не любима, я сознаю, что мнѣ не хочется жить!...

Нужда эта почастъ бываешь до того велика, что одно учрежденіе, напр., вынуждено было прибѣгнуть къ залогу своего недвижимаго имущества, иначе воспитанникамъ и служащимъ пришлось бы голодать... Правительственной субсидіи пользуется только петербургская колонія въ размѣрѣ 15 тысячъ руб. и казанская — 6 тыс. рублей въ годъ. Плата, получаемая на основаніи закона отъ тюремныхъ комитетовъ и нѣкоторыхъ суммъ, отпущенныхъ нѣкоторымъ городамъ и земствамъ въ видѣ снѣговыхъ пособій — составляютъ очень незначительныя доли въ суммахъ бюджетныхъ исправительныхъ учреждений, такъ что, въ концѣ концовъ, они существуютъ, можно сказать, одними подаяніями, а послѣдніе, какъ извѣстно, находятся въ зависимости отъ разныхъ случайныхъ причинъ и составляютъ истинно вѣсьма ненадежныя. Такая матеріальная необеспеченность лучшихъ исправительныхъ учреждений отражается неблагоприятнымъ образомъ на внутреннею ихъ жизни и тормозитъ дальнѣйшее развитіе этого дѣла. Въ настоящее время въ Россіи существуетъ 12 такихъ учреждений; старѣйшее изъ нихъ — Рукавишниковскій приютъ открытъ въ Москвѣ 1864 г. „обществомъ распространенія полезныхъ книгъ“. Три года тому назадъ оно перешло въ вѣдѣніе города, но и теперь, несмотря на то, что существуютъ и развитіе нѣмало обеспечено. Послѣднимъ, по времени открытія, является харьковскій исправительный приютъ, открытый въ текущемъ году; возникновеніе остальныхъ относится къ 70-мъ годамъ.

По организационному дѣлу и практическимъ занятіямъ воспитанниковъ всѣ наши исправительныя учреждения весьма сходны между собой. Въ кругу занятій воспитанниковъ входятъ изслѣдованія по разнымъ родамъ ремесленныхъ работъ; исключеніе въ этомъ отношеніи составляетъ одинъ Рукавишниковскій приютъ, гдѣ обучаютъ однимъ только ремесламъ, такъ какъ приютъ помѣщается чуть не въ самомъ центрѣ города и не имѣетъ необходимаго для земледѣльческихъ занятій клочка земли. Общее образованіе воспитанниковъ ограничено кругомъ однонаправленныхъ элементарныхъ наукъ, и только въ одной петербургской колоніи преподаваніе ведется въ объемѣ программы двухклассныхъ народныхъ училищъ министерства народнаго просвѣщенія. Дѣленіе воспитанниковъ на „семьи“ существуетъ во всѣхъ учрежденияхъ, причѣмъ основаніе такого раздѣленія не въѣдъ одинаковы. Въ петербургской колоніи всѣ воспитанники, обучающіеся одному и тому же ремеслу, соединяются въ одну „семью“, такъ что тамъ существуютъ „семьи“ столяровъ, кузнецовъ, корзиночниковъ и т. п. Казанскій типъ существуетъ только въ Рукавишниковскомъ приютѣ, гдѣ всѣ питомцы, числомъ до 80-ти, живутъ и работаютъ въ одномъ общемъ для всѣхъ помѣщеніи. Воспитательныя пріемы во всѣхъ учрежденияхъ тоже болѣе или менѣе одинаковы; тѣсное наглядное (свое) воспитаніе только въ харьковскомъ и петербургскомъ. Особенно вымѣна на съѣздъ обратила на себя варшавская колонія Студенцевъ, благодаря своей весьма своеобразной организаціи, не встрѣчающейся ни въ одномъ изъ остальныхъ нашихъ исправительныхъ учреждений. Объ ней я повторю особа, а теперь замѣчу только, что она во многомъ напоминаетъ собою французскую колонію въ Метер. Есть еще и нѣсколько оригинальныхъ учреждений, сходныхъ по своей задачѣ съ исправительными, но о существованіи котораго извѣстно, вѣроятно, немногимъ, — это волжская военная прогимназія. Весь контингентъ ея воспитанниковъ состоитъ изъ исключенныхъ изъ учебныхъ заведеній военного вѣдомства за неспособность и дурное поведеніе. Въ прогимназіи ихъ обучаютъ ремесламъ и, кромѣ того, классныя занятія идутъ своимъ чередомъ, какъ и въ обыкновенныхъ прогимназіяхъ.

В. Ф.

(Продолженіе будетъ).

МѢСТНАЯ ХРОНИКА.

Засѣданіе медицинскаго общества, 7-го ноября. Засѣданіе медицинскаго общества, происходившее 7-го ноября, отличалось замѣтною оживленностью. Благодаря тому, что число прибывшихъ членовъ на этотъ разъ было довольно значительнымъ и что въ засѣданіи присутствовало немало студентовъ высшихъ курсовъ, въ качествѣ посторонней публики, нельзя было не замѣтить, что убогое помѣщеніе, въ которомъ теперь засѣдаетъ медицинское общество, далеко не соответствуетъ своему назначенію. Тѣснота, царившая въ этомъ помѣщеніи, увеличилась постепенно и дошла до того, что подъ конецъ появленіе каждого новаго посѣтителя ста-

вило въ безвыходное затрудненіе распорядителей засѣданія, незнавшихъ, гдѣ пріютить вошедшаго гостя.

За отсутствіемъ президента, обязанности его исполнялъ профессоръ Лашкевичъ. Засѣданіе открылось сообщеніемъ, сдѣланнымъ врачомъ Несмѣяновымъ, по поводу интереснаго случая, бывшаго въ его практикѣ. Для изслѣденія одной очень застарѣлой язвы, референтъ съ большимъ успѣхомъ примѣнилъ извѣстный способъ Ривердена, состоящій въ томъ, что у больного срѣзають маленькіе кусочки здоровой кожи и переносятъ ихъ на открытую поверхность язвы. При удачномъ исходѣ операціи, эти кусочки прирастаютъ на новомъ мѣстѣ, увеличиваются въ объемъ, и облегчаютъ дальнѣйшее заживленіе язвы. Въ другихъ случаяхъ, условия которыхъ еще мало выяснены, такая прибавка здоровой кожи на большой поверхности не удается, и переселенные кусочки быстро распадаются. Въ случаѣ, описанномъ г. Несмѣяновымъ, взятые изъ кусочки кожи уже на другой день послѣ ихъ переселенія на поверхность язвы оказывались прочно прикрѣпленными на новомъ мѣстѣ, такъ что при смываніи водою они не отпадали отъ подлежащей ткани. Спустя 4 недѣли, кусочки сильно разрослись, между ними образовались мостики изъ рубцовой ткани, и вообще вся язва была близка къ полному закрытію. Окончательнаго заживленія г. Несмѣяновъ однако не могъ въ данномъ случаѣ констатировать, такъ какъ онъ потерялъ свою больную изъ виду. Тѣмъ не менѣе, онъ не сомнѣвается, что больная совершенно выздоровѣла.

Изъ замѣчаній, сдѣланныхъ по поводу описаннаго случая, особеннаго вниманія обращаетъ на себя замѣчаніе доктора Сычанко, высказавшаго ту мысль, что для большаго успѣха въ излѣченіи язвъ было бы полезно испытать соединенное дѣйствіе двухъ спомощей — электричества и магнетизма.

По окончаніи преній по этому поводу, профессоръ Лашкевичъ обратился къ присутствовавшимъ со слѣдующими словами: „Сегодня въ Берлинѣ празднуютъ исполненіе 25-тилѣтняго ученой дѣятельности и 60-тилѣтняго профессора Вирхова“. Упомянувъ затѣмъ о великихъ заслугахъ Вирхова, оставившаго слѣды своего гения во всѣхъ областяхъ медицины и между прочимъ благотворно вліявшаго на успѣхи медицинскихъ знаній у насъ, въ Россіи, профессоръ Лашкевичъ просилъ присутствовавшихъ встать, и этимъ выразить свое сочувствіе великому юбиляру. Не успѣвъ профессоръ окончить своей фразы, какъ всѣ разомъ поднялись со своихъ мѣстъ. Затѣмъ, было рѣшено отправить профессору Вирхову привѣтственную телеграмму. Редактированіе телеграммы (на нѣмецкомъ языкѣ) взялъ на себя докторъ Гутбогъ; она была отправлена въ тотъ же вечеръ и гласила слѣдующее: „Харьковское медицинское общество привѣтствуетъ васъ въ день исполненія 25-тилѣтняго вашей славной ученой дѣятельности и

проситъ оказать ему честь принятіемъ титула почетнаго члена харьковскаго медицинскаго общества“.

Конецъ засѣданія былъ посвященъ сообщенію профессора Кузнецова, относящемуся къ области сифилидологии.

Въ оживленныхъ преніяхъ, возникшихъ по этому поводу, приняли участіе докторъ Порай-Кошицъ, профессоръ Лашкевичъ, врачъ Писаревскій и другіе.

Мы слышали, что въ пятницу, 13-го ноября, въ засѣданіи харьковскаго думы будетъ происходить совѣщаніе послѣдней съ г. Максимовичемъ, повѣреннымъ Бонне — предпринимателя по устройству конно-железной дороги въ Харьковѣ. Г. Максимовичъ предполагаетъ въ этомъ засѣданіи сдѣлать глашнымъ предложеніе о рѣшеніи вопроса о „конкѣ“ въ окончательной формѣ, такъ какъ прошло около года, а Бонне до сихъ поръ не получилъ отвѣта на свое предложеніе. Нельзя по этому поводу не привести слѣдующаго факта изъ практики тифлисской думы: тамъ предприниматель по устройству конно-железной дороги предложилъ свои кондичіи думѣ съ условіемъ, чтобы послѣдняя дала окончательный отвѣтъ не позже мѣсяца. Фактъ этотъ достаточно характеризуетъ дѣловитость обьихъ, равнымъ образомъ заинтересованныхъ, сторонъ.

Нельзя не отмѣтить слѣдующій фактъ изъ дѣятельности оцѣночной комисіи, состоящей при нашемъ городскомъ управленіи. Оцѣнка имущества членами комисіи производится не по установленнымъ правиламъ, опредѣляющимъ способъ оцѣнки извѣстныхъ имуществъ, а по субъективнымъ взглядамъ гг. оцѣнщиковъ. Вслѣдствіе этого происходятъ такіе случаи: извѣстный наложъ съ одного и того же имущества въ 2 послѣдующіе года совершенно различенъ. Такимъ образомъ съ назначеніемъ въ комиссію новыхъ лицъ, практически незнакомыхъ съ дѣломъ, являются новыя ошибки и новая разнхарактерность въ пріемахъ оцѣнки.

Въ прошломъ году, напр., въ рукахъ комисіи было дѣло чрезвычайно интересное для думы; это — оцѣнка лавокъ на базарныхъ площадкахъ, востроенныхъ частными лицами на городской землѣ. Обложеніе этихъ лавокъ оцѣночнымъ сборомъ до сихъ поръ не практиковалось; поэтому для думы было бы весьма важно имѣть отъ комисіи данныя, добытая ею при оцѣнкѣ ихъ, чтобы судить, насколько удобно произвостство этого налога; чрезъ того дѣйствіе и доходность означенныхъ лавокъ, а равно положеніе торговли на Благовѣщенскомъ базарѣ могутъ служить весьма важнымъ матеріаломъ при разрѣшеніи думою вопроса о предполагаемой постройкѣ лавокъ на томъ базарѣ на средства города. Ничего подобнаго комиссіе представлено не было. Желательно, чтобы это обстоятельство имѣло въ виду избранная думою комиссія по выработкѣ новой инструкции для общей переоцѣнки городскихъ имуществъ.

На дняхъ, мысль о смерти такъ ясно предстала предо мной, что мнѣ нѣвольно захотѣлось молиться. Но мнѣ и этому даже не научили. Я не знаю Бога. Изъ всего слышаннаго о немъ мнѣ болѣе всего запомнилось, какъ нѣкая наставница, чтобы я выучила назвустъ „Вѣру“, когда я не могла даже выговорить слово „Вседержитель“. Потомъ въ институтѣ я должна была учить какіе-то „Начатки“, не думая о томъ, что въ нихъ говорится. А въ монастырѣ, я на правахъ православной, могла не посѣщать уроковъ закона божія, читавшихъ для католичекъ. Тутъ ужъ я совсѣмъ отвыкла отъ Бога. Когда вышла замужъ, мнѣ некогда было и думать о немъ.

Если не дали религіи, должны были дать твердые нравственные принципы. Мнѣ о нихъ и говорить смѣшно...

Не мужа, дорогая моя Вѣра, что я хочу выгораживать себя или защищать. Мнѣ легче сознать себя виновной и принимать всѣ невзгоды, какъ заслуженную кару. Но мнѣ хочется истины — не для себя, а истины для истины. Когда я лежу такъ одна, въ своей полутемной комнатѣ, и начну выдумывать во все это, мои личныя страданія уйдуть далеко, Анны Слащевой для меня не существуетъ, а существуютъ сотни и тысячи людей страдающихъ не по своей винѣ. Сколько я знала и знаю женщинъ, на которыхъ воспитаніе и среда точно наложали ржавчину... Какъ смѣетъ же, даже когда и сознаешь ея развѣщающее дѣйствіе? Вѣдь она копила годами, а можетъ быть получена уже при рожденіи... И какъ очнусь, оглянусь на себя, мнѣ до злости дѣлается досадно, что живу до сихъ поръ. Затѣмъ, кому нужна я? Вѣдь чужая, и не только не принесла пользы, но не сдѣлала даже создать лично счастья. А между тѣмъ, этимъ было занято все существованіе. И такой маленькой, маленькой, такой жалкой, такой ничтожной

до корней жизни, мы всѣ, „интеллигенція“, потеряли Бога, котораго ищемъ до сихъ поръ, потеряли веру въ жизнь, въ ее правду и красоту... Вотъ эти-то „слѣпыя, хромые и убогіе чающіе движенія воды“, вотъ эти-то маловѣрные, алчущіе и жаждущіе Бога и вѣры — они то и дадутъ матеріалъ для той глубоко-трагичной основы, которую будущій великій художникъ возьметъ для своего, такъ сказать, „историческаго“ романа — романа русскаго интеллигентнаго самоубійцы... А приведенное письмо и еще кое-какія мѣста изъ повѣсти „Ржавчина“ могутъ пригодиться, какъ небезынтересный матеріалъ...

Конечно, художникъ, которому придется разработать драму русскаго самоубійцы — долженъ быть очень большимъ художникомъ, такъ какъ ему надо будетъ одолѣть очень сложный и запутанный типъ. А, вѣдь, для того, чтобы одолѣть типъ, т. е., осмысливъ его, отдѣлать въ немъ все случайное и условное отъ вѣчнаго и не перебѣжнаго, для этого надо самому пережить всю муку, всю тоску, всѣ страданія своего героя, выносить въ своей душѣ всѣ язвы его души, стать на самомъ краю и безтрепетно заглянуть въ бездну, поглотившую его — и если голова не закружится, нога не скользятъ — художникъ побѣдитъ, сумѣвшихъ могучимъ заклинаніемъ усмирить, отвести надлежащее мѣсто стихіямъ, погубившимъ его героя. Такъ, торжествующимъ побѣдителемъ вышелъ Шекспиръ изъ смертной тоски Гамлета, изъ нечеловѣческихъ мукъ Макбета, изъ страшныхъ терзаній Отелло, — и вотъ почему его созданія въ гордомъ величій высятся надъ міромъ неколебимыя и незаблываемыя...

Но пока суть да дѣло, интересно и необходимо, конечно, отмѣтить всякій, хотя бы самый незначительный, проблескъ — и вотъ, почему мы рѣшились остановить вниманіе читателя на вышеизложенной повѣсти...

